

Вчера во сне неожиданно увидел своих сослуживцев. Тех, что были в начале срочной службы. Все в повседневной защитного цвета форме х/б, знакомые лица, а их имён я не помню. Они сидят в кузове военного грузовика, узнают во мне рядового своего взвода, зовут к себе, освобождая место, а я, вместо того чтобы присоединиться к ним, вдруг с каким-то восторгом запеваю песню о танкистах, песню нашей роты, которую тщательно разучивали мы давным-давно под руководством сержанта. Нет, это была не песня о трёх танкистах, а обыкновенный мало-вразумительный, но очень подходящий под строевой шаг на плацу ширпотреб, созданный в недрах войсковых служб. Так и не приняв их приглашения последовать за ними, я проснулся. Лежа с закрытыми глазами, я рассуждал, к чему этот сон и почему я не забрался в кузов, не отправился с ними в неведомый ночной путь? Наконец пришла мысль о том, что не поехал я с бывшими сослуживцами потому, что не увидел среди знакомых лиц двух моих друзей, в общении с которыми в то жёсткое для меня время я чувствовал себя более свободным и менее несчастным. Менее свободными и более несчастными, я считаю, были только заключённые, и то из числа отверженных. Встречал я за время срочной службы почти таких же и среди солдати-

88

ков-новобранцев: с отрешённым взглядом, механически выполняющих приказы начальства и безропотно сносящих издевательства «стариков» (в те годы ещё только словесные).

Итак, московский поезд, к которому наша команда призывников от военкомата до самого вокзала шагала пешком без строя мимо замерших на путях трамваев (из-за какой-то неполадки с электричеством), стоял в ожидании посадки. Когда мы подвыпившей нахальной толпой ввалились в слабоосвещённый зал ожидания старинного здания, я мотнул головой и сказал Васёке: «Давай!» Васёк послушно поправил ремень на плече и, растянув меха новенькой двухрядки, рванул «Как родная меня мать провожала». Аккорды зазвучавшей гармонии были пронзительны и громки. И без этой бодрой и напористой мелодии окружающим было понятно по внешнему виду толпы в старых шапках, кепках и телогрейках, что это новобранцы. В полутьме заплакал проснувшийся ребёнок, послышались недовольные голоса, на шум вынырнул молоденький, но серьёзный милиционер. Увидев широкую нетрезвую Васькину морду, он предупредил: «Заберу!». Обернувшись к нему, я сказал: «Уже забрали», но Васёке велел свернуть музыку. Тут появился наш старший сопровождающий капитан-танкист и повёл нас на перрон. Посадка в полутёплый

вагон началась. Капитан оставил нас на попечение двух сержантов-срочников и удалился в другой вагон: у него-то был плацкарт. Места занимали кому как вздумается на нижних и верхних полках, в молчании: друзей и хороших знакомых ещё не завели. Всем известен был только Васка-гармонист, которому за два дня до отправки сообщая купили гармонь. Немногочисленные родственники влезали в вагон, помогая разместить на полках рюкзаки отбывающих на службу, и давали последние кажущиеся им нужными советы, которые однообразно заканчивались словами «сразу же напиши». Проводница, видя последние прощальные стопки, громко предупредила, чтобы провожающие не задерживали отправление поезда. Я молча и без зависти наблюдал за прощанием незнакомых мне людей и был даже отчасти доволен, что ни отца, ни матери среди них нет.

И вдруг мне показалось, что я слышу вопрос проводнице с моей фамилией. Ошибки быть не могло. «Артистический» голос моего однокурсника и друга Борьки Рождественского спутать было невозможно. А он в сереньком демисезонном «воробьином» пальто уже движется по проходу. (Кстати, после службы это пальто донашивал я.) Я зову его, машу рукой, и вот мы сидим за маленьким столиком. Между нами бутылка с хорошим недорогим и приятным болгарским вином, пробка которой бесхитростно загнана внутрь. Советов он мне дать не может, ведь он даже невоеннообязанный, как сам называет себя, «белобилетник». Я слушаю, как он с гордостью рассказывает о том, что уже через два месяца станет отцом. Живут они в доме тестя, поэтому Борьке там не очень уютно, а вот давняя подруга и однокурсница его Ленки всё не может забыть меня, но заметив, что эта тема не требует обсуждения, умолкает.

Состав дёрнулся, чуть не свалив на столик недопитую бутылку, которую я засовываю Борьке в карман пальто, и он спешит из медленно набирающего скорость вагона наружу под тусклые фонари перрона. Когда стрелки путей остались позади, в набравших бойкий ход вагонах плафоны засветились ярче. Сняв стёганую телогрейку и расстелив её на полке, скинув сапоги, я лёг на спину, вперив взгляд в белый потолок вагона, как

в экран, на котором демонстрировалась моя прошедшая жизнь последних двух лет.

Ещё вчера после поверки в военкомате я решил зайти в общежитие попрощаться с девчонками нашей группы. Занятия уже закончились, и они очень обрадовались, что на пороге комнаты нарисовался их бывший одноклассник, у которого в рюкзаке оказались разные аппетитные вкусности и вино. Девчонки радостно суетились в предвкушении весёлого застолья. Печальной и даже несколько угрюмой была только моя тайная воздыхательница, которую подруги пытались подбодрить, они-то понимали, кому обязаны предстоящему веселью. Её «тайные» любовные томления ни для кого на курсе не были секретом. Но вот дверь без стука приотворилась и в проёме показалась скуластая мордочка Людки Актрисы – второкурсницы из другой группы. Двадцатилетняя, шустрая, с прокуренными пальцами, приятным хорошо поставленным голосом, успевшая до университета поработать в провинциальном театре на незначительных ролях. У неё был удивительный нюх на подобные мероприятия. Чаще, конечно, она «неожиданно» вторгалась в мужские комнаты, чтобы стрелкнуть сигаретку. Ей никогда не отказывали в угощении, и она естественно вливалась в пирושку, причём в качестве ведущей. И этот прощальный вечер в девичьей комнате исключением не стал. Она умело взяла обязанности виночерпия в свои руки и после очередной чайной чашки крепкого виноградного портвейна грудным и наглым голосом с какой-то неприятной цыганской хрипотцой запела: «Эх, загулял, загулял, загулял, парнишка молодой, молодой...». А меня к ближайшей остановке трамвая проводила моя угрюмая, так и не повеселевшая воздыхательница.

О Людке же, несостоявшейся актрисе, как и несостоявшейся выпускнице университета, можно написать отдельный рассказ, но когда-нибудь потом.

Поезд, набравший скорость, отстукивал ритмичную дробь на стыках рельсов, как ударник на своих барабанчиках в ресторанном оркестре. До отправки к месту службы, пока набиралась команда, оставалось ещё трое суток, поэтому можно было пользоваться свободой и остатками

былой зарплаты. Разноцветные сверкания огней и музыка в старинном здании ресторана извлекли меня из холодных октябрьских сумерек и втолкнули в тёплый шумный и нетрезвый уют. Свободным оказалось место с тремя молодыми выпускниками военного училища, видимо, друзьями. Двое из них были в штатском, они уже распределились после выпуска командирами взводов в своём училище. Они провожали третьего, который один был в форме с погонами лейтенанта и отбывал служить куда-то на Восток. Когда же мы с ними познакомились, они узнали, что я призывник и через два-три дня поеду, может быть, и на Восток, лейтенант расчувствовался и стал приглашать к «себе» на службу в конкретный город у океана, что был назван именем русского адмирала с иностранной фамилией. Я и рад бы, да не по силам это моему доброму весёлому выпускнику училища.

Оркестранты после перекура заняли свои места на тесном подиуме и заиграли грустную танцевальную мелодию, вполне подходящую моему настроению. К столику приблизились три девушки, к счастью, не ко мне (я был абсолютно трезв и невесел), произнеся: «Белый танец», жёсткими стали приглашать подвыпивших лейтенантов. Два друга в штатском с готовностью двинулись меж столиков с дамами на танцевальный пятачок к подиуму. Весёлый их товарищ в форме, сославшись на неумение танцевать, отказался, и дама, недоумённо пожав плечиками, удалилась к своему столу, где за ней наблюдала компания её подружек. Надо сказать, что эта компания всё время старалась привлечь внимание посетителей ресторана, особенно подвыпивших. Два квадратных столика сдвинуты, за ними сидят по двум сторонам шесть девушек возрастом от восемнадцати до тридцати лет. Во главе этого застолья с торца восседает довольно круглая миловидная женщина лет тридцати с лишним. У неё единственной на голове ухоженные красивые волосы, уложенные в затейливую причёску. Она тихо и незаметно руководит действиями девушек. Едва различишь, как она учит их принимать незаинтересованный и отрешённый вид, покачивать в ладони бокал с налитым на доньшко вином, закатывать глаза в восторге и другим премудростям.

90

Музыка заканчивается, мои танцевавшие соседи возвращаются за стол, а на моего симпатичного молодого лейтенанта снисходит какое-то вдохновение. Он подзывает официантку и просит подать на стол девушек бутылку шампанского. Официантка, слегка скривив губы, удаляется исполнять заказ, а товарищи пытаются напомнить ему, из какого шалмана эти красавицы, но он уже изрядно перебрал. С пьяной обидой он произносит: «Это я-то перебрал?» – и, стараясь не шататься, направляется к оркестру, заказывает лезгинку, а музыканты, снисходительно и добродушно переглянувшись, дружно берут первые аккорды зажигательного кавказского танца. Лейтенант весь подтянулся, встал на носки своих хромовых блестящих сапог и с поднятыми на уровне плеч руками прошёлся по кругу, сверкая глазами на своих товарищей и вызывая зависть многих своей молодостью и красотой. Танцует он, как настоящий джигит, в восхищении даже кавказцы, что сидят неподалёку за отдельным столиком и хлопают в такт музыке. А у компании девушек интерес к нему уже погашен их наставницей. На их горизонте новая цель – ребята из студенческой стройбригады, получившие наконец-то долгожданную зарплату за «трудовой семестр». Они гуляют за отдельным столом и уже в изрядном подпитии. Вот один из них, самый молодой и неумело захмелевший, подсаживается за стол к девушкам, знакомится с ними, а ближайшую, с плохо зарумяненным синяком на скуле пытается отважно поцеловать в губы. Наблюдая за ним, его товарищи посмеиваются. Тогда он делает театральный жест, приглашая к столу официантку, спрашивает: «Что будем пить, девочки?» – и заказывает дорогое марочное вино и фрукты. Девочки в восторге от щедрого кавалера. Но его более трезвые друзья, неожиданно резво и бесцеремонно взяв его под руки, уводят за свой стол, а через несколько минут, рассчитавшись, покидают ресторан. Вскоре уходят и мои соседи по столику провожать своего друга в дальнюю дорогу. Да и мне больше задерживаться не стоит. Но моя официантка, даже увидев моё желание рассчитаться, не подходит – у неё в данный момент более важное дело: она помогает своей коллеге заставить оплатить заказы компанию девочек.

Те, явно видно, не желают полностью рассчитаться за всё выпитое и съеденное, напирая на то, что «нас угощали». Тогда подошедшая на шум скандала похожая на боксёра администраторша повелительно сквозь зубы заявляет: «Пошли отсюда вон, дармоедки голодные!» – и заставляет официантку проводить их до выхода. Девушки, не глядя на посетителей, покидают зал. После расчета и я, взглянув прощально на гипсовую барельефную картину с оленями, запряжёнными в нарты под северным сиянием, что сияла за эстрадой, выхожу на холодный октябрьский проспект. За освещёнными окнами ресторана вновь грянула музыка, постепенно сливающаяся с ритмом перестука колёс. Под эту беззаботную мелодию на жёсткой полке вагона незаметно засыпаю. Последней полусонной искрой воспоминания вечера в ресторане вспыхивает алая роза посреди стола. Не свежая, но ещё живая, в обычном гранёном стакане с водой.

Под утро я просыпаюсь от обычного молодого эротического сна. За окнами вагона едва светает. В душной полутьме новобранцы спешно по очереди пробираются по проходу. Щёлкают замки дверей туалета и тамбура. Доносятся запахи мочи и сигаретного дыма. С утра я не курю, поэтому эти утренние вагонные ароматы неприятно отвлекают от воспоминания сюжета только что пережитого сна. Он отличался от того, что происходило наяву ещё в апреле на Борькиной свадьбе.

Итак, нас с Нэлькой, однокурсницей-филологиней, без обсуждения назначили в свидетели: она подруга детства невесты Ленки, а мы друзья с Борькой. После регистрации в старинном особняке с роскошными окнами и зеркалами в центре города немногочисленные гости, в основном студенты, в грохочущем по весенним рельсам трамвае докатили до малозаметной остановки и с весёлым шумом ввалились в просторный частный дом родителей невесты, где стараниями её благообразной и приветливой бабушки праздничный стол сиял ещё дореволюционным хрусталём и фарфором с вызывающим бешеным аппетит содержимым. Нас с Нэлли (так она официально значилась по паспорту, к её явному неудовольствию) посадили рядышком. Не знаю до

сих пор, правильно ли, в соответствии ли с традицией, но не забывали довольно часто намекать, что теперь и наш черёд пришёл, что мы подходящая пара. Нэлька в такие моменты отвлекалась и лишь через минуту долгим взглядом, должно быть, изучала мою реакцию на нетрезвые намёки гостей из уже женатых студентов или Ленкиных родственников. А я наблюдал, как Борькина тёща пошла в пляс. Да не совсем весёлым показался он мне, что-то грустное и одновременно отчаянное рвалось из незатейливых, но таких грациозных движений этой ещё очень привлекательной и энергичной женщины средних лет, за которой внимательно следил из-за толстых стёклышек очков её грузный, как старый кот, усмехающийся муж, чиновник одного из областных ведомств.

И вновь разливалось в непривычные для студентов хрустальные бокалы вино, снова заливались соловьями в предлагаемых тостах о семейном счастье и долголетию молодых их друзья и подруги. Потом невеста выразила просьбу, чтобы мы с Нэлькой станцевали вальс под её аккомпанемент на фортепьяно. Всем было весело, все были за. Ещё в четвёртом классе к новогоднему школьному балу-маскараду меня довольно быстро научила вальсировать старшая сестра. С тех пор я постоянно пользовался явным преимуществом перед не танцующими одноклассниками, когда раздавалась плавная музыка на различных школьных вечерах. А Нэлька в юные годы вообще занималась в танцевальной студии. Прекрасная музыка старинного вальса «Ожидание» вмиг удалила звон посуды и разговоры за большим столом. Ленка, будучи на втором месяце и поэтому не притронувшаяся даже к шампанскому (наверное, из-за этого и поспешили со свадьбой), с задумчивой грустью выводила мелодию. Под эту музыку было просто грешно нетрезво или дурно танцевать. За последними звуками вальса вновь оживилось шумное застолье, а Нэлька потянула меня во двор охладиться вечерней апрельской свежестью. «Охладилась» поцелуями. Я даже забыл, что хотел покурить. Когда возвращались от крыльца, она держала меня за руку. Из праздничного зала в конце коридора гремела музыка и голоса поющих гостей. Внезапно моя спутница остано-

лась, указала на узкую, хотя и двустворчатую дверь налево и объяснила мне, что с сегодняшней ночи это будет комната молодых, которую им выделили родители, и предложила: «Зайдём посмотрим?». И зашли, и «посмотрели», не включая света, почти в полной темноте, и лишь когда голоса в зале подозрительно притихли, мы поодиночке, я впереди, она чуть позже, выскользнули из этого тёплого и ласкового приюта и, казалось, незамеченными влились в ещё более повеселевший коллектив.

Всё тогда произошло незаметно для всех и бесшумно, а в теперешнем моём сне вышло так, что при сближении с Нэлькой нас «застукала» мать невесты. Единственное, что облегчало нашу вину – она была безмолвна, не заставила нас оправдываться.

А вот и сержант, сопровождавший нас, с очень серьёзным лицом, двигаясь по проходу вагона, останавливается в каждом отсеке и с

важным видом, но негромко, будто военную тайну, сообщает, что служить нам предстоит недалеко, рядом с Омском. Что же, Сибирь или Кавказ, Германия или Польша – мне было всё равно. Не страшно, не надолго, и главное – за меня будут думать и решать другие. Я продолжал пребывать в состоянии осенней сонной мухи, лишь на отдельные мгновения улетаая в прекрасные воспоминания о прошлом. За окнами вагона совсем развиднелось. Непривычная для меня картина голой осенней степи с редкими полосами лесонасаждений не радует. Бодрыми и радостными выглядят только наши сопровождающие – танкисты. После доставки нашей команды в часть они отправляются на дембель, домой. Это чувство близкой свободы мне неведомо так же, как и чувство неясного ожидания последних месяцев службы, до которых по закону тех лет всего три года. В сравнении с жизнью – так мало и так много, что хватило бы на огромную книгу.